

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В 1921–1923 гг.

Статья посвящена анализу специфики процессов, связанных с возрождением отечественной кооперации в начальный период нэпа. Анализируются такие ключевые вопросы, как изменение государственной политики в отношении кооперации и основные направления деятельности кооперативных организаций в 1921–1923 гг.

Ключевые слова: новая экономическая политика, кооперация, изменение государственной политики по отношению к кооперации, организация кооперативной торговли, направления деятельности кооперации.

Развитие кооперации в России началось во второй половине XIX века. К началу 1918 г. по количеству кооперативов и членов в них наша страна занимала первое место в мире. Период революций и «военного коммунизма» прервал это поступательное движение.

Переход к нэпу поставил руководство Советской России перед решением двух взаимоисключающих задач: использовать частный капитал для восстановления хозяйственных связей, оживления товарообменных операций, одновременно не допуская его трансформации в мощную социальную силу, чтобы избежать реанимации капитализма. Решение этой проблемы предполагало наличие в нэпе сильных элементов государственного регулирования. Одним из инструментов регулирования должна была выступать кооперация, которую советская власть рассматривала как реальную альтернативу частному капиталу, способную определять конъюнктуру рынка.

Период 1921–1923 гг. стал очень важным этапом в развитии советской кооперации. Рамки этого периода обусловлены X съездом РКП(б) (апрель 1921 г.), ознаменовавшим начало возрождения отечественной кооперации, и работой В.И. Ленина «О кооперации» (январь 1923 г.), послужившей толчком к формированию качественно новой политики государства по отношению к кооперации. Для кооперативного движения России этот период был сопряжен с огромным количеством трудностей и оказался наиболее противоречивым временем в его развитии.

В апреле 1921 г. был принят Декрет СНК «О потребительской кооперации», который отменил ограничения, существовавшие в годы гражданской войны, и предоставил кооперации право обмена и скупки продукции сельского хозяйства и изделий кустарных промыслов [1, с. 117]. Таким образом признавалась самостоятельность кооперации в своих хозяйственных опера-

* © Безгина О.А., 2009

Безгина Ольга Анатольевна — кафедра российской истории Самарского государственного университета

циях. Обслуживая как организованных потребителей, так и выполняя задания государства, она должна была существовать на основе хозяйственного расчета.

Декрет подтвердил обязанность кооперации проводить свои операции под руководством и контролем государства в лице Наркомпрода, а также обязанность всех граждан участвовать в потребительской кооперации. Каждый гражданин Советской республики, не лишенный по конституции права голоса, являлся членом единого потребительского общества, в районе которого он проживал.

Потребительская кооперация вместе с государственной торговлей, превращаясь в торгового посредника между городом и деревней, была призвана вытеснить частного торговца. Стратегия заключалась в том, чтобы при поддержке государства кооперация аккумулировала излишки мелкого хозяйства, максимально концентрируя товарообмен в своих руках, лишая таким образом частный капитал источников накопления. Следовательно, кооперация становилась рычагом в государственной машине, и, по определению ответственного работника Центросоюза А. Фишгендлера, «уже на этой первоначальной стадии нэпа кооперация возникла как своеобразная государственная форма, опирающаяся, главным образом, на материальную поддержку государства» [2, с. 70]. Не скрывалась и идеологическая составляющая этого процесса: потребительская кооперация, осуществляющая товарообмен между городом и деревней, должна была стать «широкой ареной» для осуществления экономического союза рабочих и крестьян.

Примерно в течение полугода после X съезда РКП(б) реализация этой задачи осуществлялась в рамках сохранявшегося товарообмена. 17 мая 1921 г. СНК утвердил договор между Народным Комиссариатом продовольствия и Центральным союзом потребительских обществ (Центросоюзом) о передаче всей заготовки продуктов и сырья потребительской кооперации. Ей поручалось проведение натурального обмена промышленных изделий на продукцию крестьянского хозяйства. Согласно договору, Центросоюз при проведении заготовки был обязан согласовывать цены, количество и сроки поставки товаров. Однако крайняя ограниченность товарных ресурсов государства с самого начала затормозила выполнение данного плана. Запланировав сбор сельскохозяйственных продуктов на сумму 66 млн золотых рублей, государство смогло в обмен предоставить промтоваров только на 12 млн рублей [3, с. 51].

Не способствовала проведению товарообмена и его чрезмерно формализованная организация, при которой Наркомпрод собирал налог, а кооперация вела товарообмен. Для этого кооперативные организации заключали с Наркомпродом специальные оперативные договоры и отчитывались перед ним за проведенные операции. Средства на проведение заготовки и распределения продовольствия выделялись кооперации также Наркомпродом под проценты по заранее согласованным с Центросоюзом ставкам.

Взаимоотношения двух структур были сопряжены с массой формальностей, выполнение которых отнимало много времени. Установленный Наркомпродом эквивалент товарообмена (один к трем), привел к тому, что кооперация выступала на рынке как самый дорогой продавец. Это подрывало воз-

возможность ведения товарообменных операций и расчищало на свободном рынке дорогу частному капиталу.

Осенью 1921 г. стал очевиден провал попытки сохранить товарообмен. В «Докладе о новой экономической политике» 29 октября 1921 г. на VII Московской губернской партконференции Ленин признал, что «товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу» [4, с. 208]. Натуральному товарообмену крестьянство предпочло свободную торговлю. Товарообмен, как справедливо писал В.П. Дмитренко, не соответствовал ни возможностям государства, ни интересам крестьянства. В стране создавался открытый внутренний рынок, развивалось денежное обращение.

С переходом к нэпу частный капитал использовал все возможности для своего роста, которые ему предоставлял свободный рынок. В отличие от частного капитала, источники накопления которого не были уничтожены в годы военного коммунизма, кооперативы вступили в рыночную экономику крайне ослабленными, с минимальными товарными и денежными запасами.

Осенью 1921 г. большевистское руководство сформулировало задачу обеспечения государственного регулирования торговли и денежного обращения. Средством решения этой задачи предстояло стать кооперативной торговле, так как, по словам Ленина, именно к ней «новая политика и сводится» [4, с. 218]. Развивая товарообмен между городом и деревней, кооперации предстояло не только обучить крестьян «искусству культурно торговать», но главное «вырвать мелкого производителя из цепких лап спекулянтов, освободить производителей и потребителей от эксплуатации скупщиков, направить главный приток излишков мелкого хозяйства в руки советской власти, а не в руки возрождающегося мелкого капиталиста» [3, с. 49].

Реальное состояние кооперации в первые годы новой экономической политики было далеко от этих планов. Самым большим препятствием для заготовки продуктов кооперативами являлось отсутствие товарного и особенно денежного фонда. Так, в 1922 г. для выполнения задания Центросоюза по заготовке 7,5 млн пудов мяса требовалось не менее 600 млрд рублей. Фактически было выделено только 34 млрд, а на места поступило лишь 7,1 млн рублей [5, л. 87]. Даже там, где кооперация технически могла заготовить мяса больше, она не имела на это средств. В некоторых случаях кооперативы заготавливали продукты в счет запланированных средств, которые потом не поступали. В результате все это приводило к падению авторитета кооперации в крестьянской среде.

Не могло не отразиться на работе кооперации почти полное обнищание населения. Организовать заготовку продуктов в условиях товарного голода было крайне сложно. Тем более это касалось Поволжских губерний, где ситуация осложнялась тяжелейшим голодом 1921–1922 годов. Хлеб, другие продукты и сырье заготавливались в основном через сельские кооперативы (многолавки). Однако в начальный период нэпа из-за отсутствия оборотных средств большая часть из них числилась только юридически. Единственной работой, которая велась в первичных кооперативах планомерно, была организация общественного питания. Часто под отделениями многолавок следовало понимать лишь пункты питания.

Из-за голода и обнищания населения кооперативы не могли собрать паевых взносов и, не имея собственных средств, не могли осуществлять заготов-

ку товаров в более или менее крупных размерах. Кооперативы вместо того, чтобы давать оборотные средства Губсоюзу в виде паев, сами пользовались у него кредитом в довольно широких размерах. Большинство кооперативов работали исключительно на кредиты и этим значительно удорожали свои операции и, как следствие, цены на кооперативные товары.

Возможность пользоваться кредитом Госбанка появилась у кооперации в 1922 г. Проценты по ссудам в среднем составляли 15 % ежемесячно. При обороте средств один раз в три месяца расход по ссуде составлял уже 45 %. Такие условия значительно повышали цены на товар. Для сравнения, до революции кредит выдавался под 8–9 % годовых и при обороте капитала один раз в три месяца расход составлял всего 2–2,5 %. Не способствовало быстрому возрождению кооперации и расстроенное финансовое положение России: выпуск громадного количества денежных знаков, падение курса рубля и непрерывный рост цен.

По сравнению с частником кооперация была менее подвижна и не успевала быстро реагировать на изменения рынка. Поэтому она значительно проигрывала частной торговле. Так, в Самарской губернии в 1922 г. кооперация удовлетворяла не более 2–3 % потребностей рядового потребителя, остальное — частный рынок [6, с. 5]. Причинами этого были не только инфляция, но и неповоротливый бюрократизированный механизм кооперативных и государственных органов. Кооперации зачастую проще было иметь дело с частными торговцами, чем с государственными организациями. В среднем по России кооперация у частных предприятий закупала до 45 % всех товаров [7, с. 10].

Еще одной проблемой, тормозившей работу кооперации, стала ее разбухшая, неповоротливая система управления. Собрание уполномоченных Центросоюза в июле 1922 г. приняло решение реорганизовать кооперативный аппарат «на началах наибольшей экономии, упрощения и оживления». В соответствии с этим решением в аппарате Центросоюза были упразднены сельскохозяйственная и кустарно-промышленная секции. К 1 января 1923 г. число отделов сократилось с 25 до 15, а число работников — с 7000 до 2850. Таким образом, сокращение составило почти 60 % [8, с. 185].

Аналогичные процессы происходили и в региональных кооперативных центрах. Так, в течение 1922 г. число служащих Самарского Губсоюза сократилось с 530 до 311 человек. В результате к концу 1922 г. затраты на содержание аппарата уменьшились почти вдвое и составили 7 % по отношению к обороту. Несмотря на все усилия, эта статья расходов по-прежнему значительно превышала дореволюционные показатели, которые в 1916 г. составляли 1,6 % [6, с. 5].

Разросшийся кооперативный аппарат стал следствием не только усилившейся бюрократизации кооперации, но и результатом советского политического курса по отношению к ней: постоянное усиление пролетарского и партийного влияния в кооперативах.

С началом новой экономической политики проблема нехватки опытных кооперативных кадров проявилась особенно остро. Так, в выступлениях делегатов IV Съезда уполномоченных Симбирского губсоюза 21 августа 1921 г. подчеркивалось: «Декрет от 7 апреля (1921 г.) застал неподготовленным аппарат... открылась такая широкая работа, где требовалась колоссальная энергия

и требовались опытные люди, которые бы направили работу в известное русло, чтобы сделать что-нибудь» [9, л.12]. Призыв вернуть в свои ряды «старых» кооператоров звучал на всех кооперативных собраниях, реализовать его старались всеми возможными средствами. Например, Самарский Губсоюз в августе 1921 г. принял решение о возвращении в кооперативы опытных специалистов, мотивируя это необходимостью проведения голодной кампании.

Несмотря на все усилия, процент специалистов, имеющих опыт кооперативной работы, постоянно уменьшался. В 1922 г. количество членов правлений без стажа составило 48,7 %, кооперативный стаж до двух лет имели почти 2/3 членов правления первичных товариществ [10, с. 10]. Одновременно с этим в кооперативных организациях ежегодно возрастал процент коммунистов. В правлениях кооперативов Самарской губернии в 1922 г. он составил 54,7 % [10, с. 4].

Таким образом, фактическое положение отечественной кооперации в 1921-1923 гг. оставалось все еще довольно сложным. Оно характеризовалось неурегулированностью взаимоотношений с государственными органами, множественностью задач, стоявших перед кооператорами и «мешавших сосредоточиться на собственных делах» [11, с. 62], нехваткой средств и тяжелым финансовым наследием периода военного коммунизма.

Кооперации не удалось выполнить возложенную на нее задачу и обеспечить организацию товарообмена между городом и деревней. Не смогла она не только вытеснить частника, но и составить ему конкуренцию. Кооперация к концу 1923 г. так и не превратилась в значительную силу советской экономики. Существенную роль в восстановлении народного хозяйства страны сыграл частный капитал. Ему удалось овладеть основными позициями на рынке, на его долю приходилась основная масса восстановленных хозяйственных связей. Перепись 1923 г. показала, что розничная торговля на 83 % находилась в руках частных и лишь на 10% у кооперации, на долю государства приходилось 7 % [12, с. 163]. Частник торговал дешевле, его накладные расходы были ниже, цены эластичнее. Он с самого начала развития нэпа находился в более выгодных условиях, чем кооперация. В 1923 г. стало очевидным, что в условиях свободного экономического развития кооперация не сможет составить конкуренцию частной торговле, тем более вытеснить частника из товарооборота и кооперировать его. Необходимы были другие шаги. Новая тактика будет сформулирована в резолюциях XIII съезда РКП (б) «О кооперации» и «О работе партии в деревне», претворение в жизнь которых ознаменует следующий этап в развитии отечественного кооперативного движения.

Библиографический список

1. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1957. Т. 1.
2. Потребительская кооперация за 10 лет Советской власти // Юбилейный сборник. М.: Центросоюз, 1927.
3. Партия о кооперации. Постановления и резолюции ВКП(б). М.: Центросоюз, 1928.

4. Ленин В.И. Доклад о новой экономической политике // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1963. Т. 44. 726 с.
5. РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 87. Д. 302. Л. 87.
6. Кооперация. 1923. № 2.
7. Кооперация. 1923. № 4.
8. Файн Л.Е. Отечественная кооперация. Исторический опыт. Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 1994.
9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Ф. Р-566. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.
10. Кооперация. 1922. № 13.
11. Рогалина Н.Л. Нэп в свете современных документальных публикаций // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОСПЭН, 2006. 544 с.
12. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. М.: МИК, 2000.

О.А. Bezgina

TO THE QUESTION ABOUT THE STATE OF DOMESTIC COOPERATION IN 1921 1923 YEARS

This article is devoted to the analysis of specificity of processes, connected with the rebirth of our country's cooperation in the first period of Nep.

The key questions such as the changes of national policy in the attitude towards cooperation and principal directions of cooperative organization's activity in 1921 1923 years are analyzed.

Key words: new economic policy, cooperation, the changes of national politics in attitude towards cooperation, organization of the cooperative trade, directions of cooperative organization's activity.